

УДК 94(470.67): [28-7]

Р.И. Газимагомедов

**Создание в Дагестане «официального» мусульманского духовенства
(середина XIX – начало XX в.)**

*Дагестанский государственный технический университет; ramazan.gazimago-
medovz@yandex.ru*

В статье рассматривается исторический аспект создания в Дагестане в середине XIX – начале XX в. зарегистрированного, «официального» мусульманского духовенства. Говорится о том, что по мере утверждения в Дагестане царской власти колониальная администрация привлекала на свою сторону не только феодальных правителей, но и представителей мусульманского духовенства. Автор акцентирует внимание на том, что выбранные мусульманской общиной кадии и муллы должны были дать подписку о лояльности властям, сдать «испытания» на знание своих обязанностей, получить утверждение и нести перед властями ответственность за свою службу, как православные священники. Исходя из этого делается вывод о том, что создание лояльного мусульманского духовенства было важной составляющей конфессиональной политики царской России в Дагестане.

Ключевые слова: *«официальное» духовенство, кадии, муллы, власть, Дагестанская область.*

The article deals with the historical aspect of formation of the registered, “official” muslim clergy in Daghestan in the 19th – beginning of the 20th centuries. It tells that the tsar colonial administration, establishing itself in Daghestan, drew to its side not only feudal rulers, but also representatives of the Muslim clergy. It is pointed out that cadis and mullahs, elected by the muslim community, had to sign a subscription of allegiance to the authorities, to pass a “test” on the knowledge of their duties, receive approval and be responsible to the authorities for their service, as the Orthodox priests did. On this basis the author concludes that creation of the loyal muslim clergy was the key point in the tsar’s confessional policy in Dagestan.

Keywords: *“official” clergy; cadi; mullah; authority; Daghestan area.*

Завоевание, а потом и включение мусульманского Кавказа в состав Российской империи требовало от колониальных властей проведения более взвешенной и адаптированной к местным условиям политики. Ещё до завершения Кавказской войны (1817–1864) царская администрация на Кавказе прилагала усилия для изучения специфики социально-экономического, культурного и религиозного развития этого края.

Одной из мер «умиротворения» мятежных горцев в Дагестанской области ещё в годы Кавказской войны было привлечение царизмом мусульманского духовенства на свою сторону. За услуги, оказываемые царскому правительству, духовных лиц награждали деньгами, орденами и другими знаками отличия [19, с. 127]. Обласканные царской властью, отдельные представители мусульманского духовенства оказывали правительству помощь не только в борьбе против антиколониальных выступлений горцев, но и во внешнеполитических акциях. Во время антиколониального восстания 1877 г. один из представителей духовенства обратился к землякам с проповедью: «Да будет проклят тот, кто... поднимет руку против сильного... Силён падишах России, силён поставленный им правитель нам, и да будет проклят безумец, дерзающий поднять руку против него» [17, с. 162]. Когда дагестанцы провожали своих добровольцев на русско-японскую войну 1904–1905 гг., местные муллы объявили «газават» японцам и призвали

своих земляков сражаться с неприятелем [12, с. 14]. Царская администрация понимала, что «ислам, как и всякая религия, является действенным средством» для удержания новых подданных в повиновении [2, с. 58]. Она опасалась, что «духовенство будет подстрекать народ... разжигая недовольство» [9, с. 20].

Некоторые представители духовенства старались извлечь выгоду из расположения властей. Известны случаи, когда дети представителей мусульманского духовенства, лояльных русской власти, устраивались в русские школы, а потом и в вузы, что давало им возможность получить образование и в дальнейшем поступить на государственную службу [13, с. 164].

Важной составляющей исламской политики на Кавказе, и в Дагестанской области в частности, являлось создание царской администрацией подконтрольного себе, зарегистрированного мусульманского духовенства, получившего в специальной литературе название «указного», или «официального». Наиболее дальновидные русские политические деятели не забывали об уроках Кавказской войны и создавали на Кавказе такую местную администрацию, которая бы знала и понимала специфику горских народов и учитывала её в своей деятельности [15, с. 86]. Многие царские чиновники и после Кавказской войны налаживали устойчивые отношения прежде всего с влиятельным духовенством [14, с. 35].

Традиционно глав мусульманских общин, мулл, имамов, руководителей шариатских судов кадиев выбирали сами мусульмане. По мере распространения русской колониальной власти на определённых территориях выборные мусульманские духовные лица стали утверждаться властями. Царская администрация в Дагестане взяла под свой контроль прежде всего руководителей шиитских и суннитских общин, проживающих преимущественно в городе Дербенте и близлежащих аулах. Это объясняется тем, что жители Дербента ещё 24 июня 1806 г. приняли присягу на верность России. Здесь же первыми на территории будущей Дагестанской области (1860) возникли государственные институты русской власти [19, с. 39]. Дербентский градоначальник и управляющий гражданской частью 12 августа 1848 г. обратились к командующему войсками на Кавказе князю М.С. Воронцову с ходатайством утвердить Аджи-муллу Садыка в звании дербентского кадия как «благонамеренного» и преданного правительству подданного империи. Князь Воронцов одобрил ходатайство градоначальника и управляющего гражданской частью и утвердил Аджи-муллу Садыка кадием Дербента [24, л. 1, 3].

В разных источниках мы выявили несколько десятков фактов утверждения духовных лиц царскими военными, начиная с середины XIX в. до 1917 г. [23, л. 9–9 об.; 27, л. 1–14]. Работающий с 1856 г. муллой суннитской мечети в Дербентском пригородном селе Арабляр Аббас Агарза-оглы был утверждён в должности местным приставом (в документе «улусского магала» [26, л. 55]. Также местными приставами в 1856 году были утверждены Алпанах Мусутафа-оглы, работающий с 1845 г. муллой шиитской мечети, и мулла Гасан Казами-оглы. А вот мулла Гамид Кирхляр Кули-оглы, работающий с 1840 г., был утверждён в должности полковником Ибрагимбеком Карчагским, а избранный ещё в 1842 г. мусульманским приходом мечети мулла Абдулла Магомед-оглы работал в этой должности более десяти лет без утверждения [26, л. 55]. Такой разницей в вопросах взятия под контроль мусульманских духовных лиц мы объясняем тем, что колониальная администрация в лице военных ещё не сориентировалась в обстановке, не имела опыта и не получила от вышестоящей власти нужных и дельных инструкций. Это давало повод военным властям нарушать вековые традиции местных мусульман. В Северном Табасаране (Южный Дагестан) кадий традиционно избирался жителями, но в конце 1855 г. царская администрация нарушила установленный порядок

и утвердила на эту должность молодого человека по имени Эльдар-бек, чем вызвала возмущение местных мусульман. Особенно возмутились состоятельные табасаранские беки. 5 января 1856 года делегация самых почётных табасаранских беков, «крайне встревоженных этой вестью», обратилась к русскому военному командованию с ходатайством «избавить их от тяжкой обиды иметь своим кадием Эльдар-бека» [25, л. 1–1 об.]. В их обращении к властям свою обиду они объясняли тем, что назначение Эльдар-бека кадием унижает их до такой степени, что им стыдно показаться не только в сторонних обществах, но и в своих семействах. По древнему обычаю в кадии избиралось народом лицо, пользовавшееся общим уважением [25, л. 1 об.]. Дербентский военный губернатор по инстанции обратился с докладом к командующему войсками Прикаспийского края и управляющему гражданской частью, а тот дал ему разъяснение, где говорилось, что «просьба табасаранских беков крайне его изумила», т. к. они должны были знать, что «мы руководствуемся в выборе кадиев не адатом и пожеланиями беков» [25, л. 3]. Подобный случай нарушения веками сложившейся традиции местного населения свидетельствует о желании властей иметь даже на духовных должностях именно своего человека, который помогал бы проводить нужную имперскую политику среди мусульман для укрепления своих позиций. Когда в 1864–1865 гг. были окончательно ликвидированы ханства и их владельцы от царского правительства получили огромные жалованья и пожизненные пенсии, Эльдар-кадий, произведённый в майоры, тоже заслужил пенсию в 400 рублей в год и около 500 десятин земли [4, с. 275].

Окончание Кавказской войны и проведение административных и организационных преобразований в Дагестане пришлось на время пореформенных десятилетий в России. Наместник Кавказа А.И. Барятинский (1856–1862) разработал своеобразную систему власти, известную как «военно-народное» управление. Оно в целом было изложено в «Положении управления Дагестанской областью» и утверждено 5 апреля 1860 года. «Военно-народное» управление преимущественно носило полицейский фискальный характер [30, с. 325]. Сущность этой судебно-административной системы довольно точно и кратко охарактеризовал последний наместник Кавказа (1905–1915) генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков. «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, – писал он, – основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армией и на представлении населению во внутренних делах ведаться по своим адатам» [3, с. 152]. В «военно-народном» управлении Дагестанской областью мусульманскому духовенству отводилось особое место. Прежде всего оно привлекалось в новую судебную систему, вводимую в 60-е гг. XIX в., и на него возлагались дополнительные обязанности, о которых мы скажем ниже.

По мере укрепления колониальной власти в Дагестане царская администрация стала формировать правовую базу для создания «официального» и подконтрольного администрации мусульманского духовенства. В Центральном государственном архиве Республики Дагестан (ЦГА РД) мы нашли «Инструкцию о порядке испытания на вступление в мусульманское духовенство», утверждённую 11 июля 1873 г. наместником Кавказа князем Михаилом Николаевичем (1862–1883). Инструкция вводилась в виде опыта на три года, но она применялась в Дагестане и после с небольшими изменениями. Согласно этой инструкции, мусульмане, пожелавшие получить «право на духовное звание», должны были иметь «соответствующие познания в мусульманском богословии и в шариатских постановлениях», а право на получение «каждого духовного звания» приобреталось «не иначе, как выдержав установленные испытания» [29, л. 28].

Уровень испытания зависел от того, на какую духовную должность или звание претендовал испытуемый. Например, инструкция требовала от шариатского судьи-кадия знания не только арабского языка в совершенстве, но и всех предметов мусульманского законоведения и богословия по вопросам родства, брака, раздела имущества между наследниками, вакуфов, духовных завещаний и прочих дел, а также умения разбирать спорные дела и принимать решения согласно шариату [29, л. 31]. Претендент на должность приходского муллы должен был: правильно читать азан (призыв на совершение намаза), знать обряды омовения покойника (облачения покойника в саван и исполнения над ним обряда намаза, талкина по правилам суннитов), знать все правила намаза, молитв и обрядов, необходимых для отправления богослужения как в пятничные, так и в обычные и в праздничные дни; знать общие правила обрядов бракосочетания и разводов, правильно читать Коран [29, л. 32]. Не менее важно, чтобы претендент на духовную должность был лояльным к власти и давал подписку о том, что не принадлежит и не будет принадлежать ни к каким запрещённым правительством течениям ислама. Как правило, запрещённым «учением» на мусульманском Кавказе считался «мюридизм». Последователей суфизма не утверждали на должности «указных» мулл и кадиев [8, с. 165].

В архивных документах мы выявили несколько обязательств-подписок, которые давали кадии и муллы в Дагестанской области. Учитывая, что мусульманское духовенство в Дагестане не владело русским языком и письмом, чиновники областной и местной администраций печатали на машинке «обязательства» заранее и давали их на подпись. Как некоторые законы и подзаконные акты империи, требование закона об образовательном цензе для мусульманского духовенства от 16 июня 1888 г. и 11 октября 1890 г., обязывающего «указных» мулл знать русский язык в объёме хотя бы нескольких классов [11, с. 83], в Дагестанской области не распространялось. Все духовные лица подписывались арабским шрифтом. В частности, Дербентский ахунд-кадий Пишнамаз 15 июня 1893 г. дал такую подписку [27, л. 7]. Его преемник на посту главного кадия Дербента Ага Сеид Гамза Ага Мир Мовсум-заде 19 декабря 1913 г. тоже подписал обязательство, в котором говорилось: «Я не принадлежал ни к каким правительством не дозволенным обществам или учениям, как-то: мюридизму и другим [течениям], под какими бы они названиями не существовали, и что впредь к другим принадлежать не буду, в чём и подписываюсь» [20, л. 19]. Такие обязательства «указные» кадии и муллы давали вплоть до падения самодержавия.

Знатоки мусульманского права – кадии – были представлены в новой судебной системе, созданной властями в 1860 году в Дагестанской области. Для мусульман был учреждён Дагестанский «народный» суд, который являлся высшей судебной инстанцией для сельского и окружного судов. Судебные дела коренного населения рассматривались на основе адатов и шариата. Полагая, что шариат является питательной средой для противостояния колониальной власти, царская администрация при осуществлении судебных реформ проводила политику приоритетности адатного суда над шариатским. Дагестанский «народный» суд «по выбору командующего войсками» заседал в столице области – городе Темир-Хан-Шура. В его состав «входило 12 человек из числа представителей высшего сословия», «именитых и сведущих туземцев», назначаемых начальником области, и два кадия [6, с. 150]. В каждом из 9 округов Дагестанской области были созданы окружные суды, куда, помимо представителей от каждого наибства, знатоков адатов, входили и знатоки шариата – кадии. Окружные суды возглавлялись тоже русскими офицерами. Нижнюю инстанцию суда представлял сельский кадий, который избирался на сельском сходе и утверждался властями. Кадии дагестанского «народного» и окружных судов, главный кадий шиитов города Дербента получали 350, 250 и 200 рублей соответственно, что побуждало духовенство к конкуренции, а власти имели

возможность устранять неугодных и привлекать верных [3, с. 160–161; 5, с. 201]. В разных источниках мы проследили служебную карьеру отдельных кадиев. Так, житель селения Хелетлюри Андийского округа Абдулхалик Шамхал-оглы, 1855 г. рождения, 21 апреля 1904 г. начал службу депутатом Андийского окружного словесного суда, а 24 апреля 1914 г. был назначен кадием окружного суда. За усердную службу кадий был награждён серебряной медалью для ношения на Станиславской ленте. Как и другие кадии окружного суда, в год он получал 250 рублей из казны [21, л. 2].

Члены судов – кадии-сунниты – подвергались испытаниям в дагестанском «народном» суде, по итогам которых составлялся протокол, на месте подписанный присутствующими «почётными лицами из мусульман». Прошедший испытание получал аттестат, подписанный председателем и членами дагестанского «народного» суда [29, л. 29–32].

21 апреля 1871 года житель кумыкского селения Халимбакаул Темир-Хан-Шуринского округа Биякай Джанбулат-оглы выдержал экзамен на должность кадия в дагестанском «народном» суде. Начальник управления Северного Дагестана, кому подчинялся этот аул, направил начальнику Дагестанской области свидетельство-аттестат за № 209, выданное испытываемому дагестанским «народным» судом, и просил утвердить Биякай в должности кадия [28, л. 6]. Военный губернатор области утверждал в должностях и освобождал от них кадиев и мулл согласно рапортам начальников округов. В начале XX в. приказы стали публиковаться в правительственной газете «Дагестанские областные ведомости» [7].

Отдельные претенденты на должности кадиев не выдерживали испытания. Так, житель селения Мекеги Даргинского округа Курбан-кади Абдулла-оглы 14 марта 1871 года не прошёл испытания в дагестанском «народном» суде и получил отказ, поскольку оказался «совершенно неприготовленным к занятию должности сельского кадия» [10, с. 180].

Согласно рапорту начальника Гунибского округа от 1 февраля 1909 года, кадием селения Гонода был назначен Магомед Магома-оглы [7]. По предписанию начальника Темир-Хан-Шуринского округа от 10 февраля 1909 года с формулировкой «за незаконные действия по службе» с должности кадия селения Нижнее Казанище был освобождён Джамалутдин Магома-оглы, причём «с запрещением вновь занимать эту должность» [7]. Были случаи, когда кадии теряли доверие сельских обществ и их могли освободить от должности досрочно. Тогда община выбирала другого. Так, житель селения Викри Даргинского округа Али-кади Курбан-оглы был освобождён от должности кадия по приговору Бускринского сельского суда, где он работал, 10 мая 1911 года. В своём ходатайстве на имя Военного губернатора Дагестанской области 27 января 1912 года Али-кади просил восстановить его в должности кадия, уверяя власти в том, что «не приучен к другим занятиям, как в области науки по изучению шариата, и выдержал требуемый для кадия экзамен» [21, л. 51].

Были случаи, когда кадии освобождались от должности по истечении срока или по старости лет. Так, по приговору общества селения Мугри Даргинского округа от 7 февраля 1912 г. от должности кадия был освобождён житель этого же села Алибек Шабан-оглы по истечении срока, и вместо него избран Умар Багома-оглы. Решение общества Мугри было утверждено начальником Дагестанской области 23 февраля 1912 г. [21, л. 21]. Таких приказов в документах и в «Дагестанских областных ведомостях» мы выявили не менее двадцати.

Сложнее обстояло дело с прохождением испытания руководителями мечетных общин – кадиями шиитов города Дербента и получением ими соответствующего аттестата. Власти стали требовать, чтобы они выезжали в Тифлис, где находились духовные правления шиитов и суннитов Закавказья, выдерживали испытания там и получали аттестат. Это было сопряжено с большими материальными расходами и временем, по-

этому мало кто из кадиев мог поехать в Тифлис. В редких случаях Духовное управление нарушало установленный порядок и без приёма испытания у кадия отправляло ему аттестат. Тем самым чиновники избегали проблем. Так, Закавказское шиитское духовное правление 5 июля 1893 года через дербентского полицмейстера отправило аттестат за № 1007 кадию-ахунду этого города Гаджи Молла Мамед Садыку Молла Селим-оглы Пишнамаз-заде под расписку [27, л. 1]. Аттестат, выданный Закавказским духовным управлением кадиям шиитов, заверялся председателем – шейх-уль-исламом и членами управления [20, л. 18–18 об.]. Избранный 29 марта 1913 года шиитами Дербента кадий Ага Сеид Гамза Ага Сеид Мир Мовсум-заде больше полугода исполнял обязанности кадия, не пройдя испытания для получения аттестата (свидетельства) об образовании и без утверждения в должности, но власти вынудили его поехать в Тифлис и получить аттестат, после чего он был утверждён Военным губернатором Дагестанской области [20, л. 1–1 об., 9, 18].

Не совсем продуманные решения царской администрации в Дагестане иногда создавали напряжённые отношения между официальным духовенством шиитов и суннитов. В частности, назначение главному кадию шиитов города Дербента жалования в 200 рублей в год постоянно вызывало недовольство у его коллеги, кадия суннитов города, особенно в начале XX в. [26, л. 34]. Свой отказ назначить суннитскому кадию жалование власти объясняли тем, что в Дербенте проживало всего 300 семей суннитов, тогда как шиитов было намного больше [26, л. 33].

В начале XX в. к «официальному» духовенству в Дагестанской области стали предъявлять более высокие требования. Это было связано не только с необходимостью ужесточения контроля над их деятельностью, продиктованного растущими панисламистскими и пантюрокскими настроениями среди мусульман, но и с опасениями возможных контактов с турецкими и персидскими подданными, которые могли подогреть среди российских мусульман антирусские настроения и использовать их для ухудшения политической обстановки на Кавказе. Повышенное внимание царской администрации к российским мусульманам вполне можно объяснить ухудшением международных отношений в Европе из-за колониальных противоречий между крупнейшими державами стран Тройственного Союза и Антанты.

Подготовленные членами дагестанского «народного» суда новые правила работы для духовенства были утверждены Военным губернатором области 12 апреля 1912 г. Согласно новым правилам, городские кадии и муллы обязывались вести учёт мусульманского населения. Общий контроль над суннитским духовенством и разрешение споров между ними сохранялись за кадиями дагестанского «народного» суда, а надзор за шиитским духовенством, как и прежде, – за Закавказским шиитским духовным управлением. Административно-полицейский надзор над городскими кадиями и муллами возлагался на городскую полицию. Городским муллам запрещалось выполнять религиозные обряды для сельских жителей. Составление всякого рода завещаний и раздел имущества проводились на общих основаниях. Всем мечетским имуществом, как и прежде, распоряжалась мечетская община прихожан. Кадии и муллы были обязаны «вести» следующие шнуровые книги: а) для учёта новорождённых и умерших; б) для учёта браков и разводов; в) для учёта всякого рода завещаний и разделов имущества; г) для записи доходов и расходов мечетей, пожертвований и благотворительных дарений в мечеть (вакфов); д) для ведения инвентарной записи всего мечетского имущества [26, л. 29]. Последовавшая вскоре с проверкой областная комиссия констатировала, что многие городские мечети не имели никакой документации, а если она и была, то не в должном порядке. У некоторых городских кадиев и мулл на этой почве возникли проблемы с утверждением в должности на новый срок [26, л. 11, 33 об.]. Новые правила никак не затронули деятельность сельских кадиев и мулл.

Несмотря на внимание властей, некоторые представители «официального» духовенства участвовали в антиколониальном восстании 1877 г., «антиписарском» движении 1914 г. и других антиправительственных выступлениях. В частности, в антиколониальном восстании 1877 года участвовал кадий Самурского окружного словесного суда Абдулхалик Эфенди, сын Абдурахмана Эфенди из селения Ахты [1, с. 39].

«Официальное» духовенство на ранее покорённых Россией мусульманских территориях подчинялось духовным управлениям, которые были призваны регистрировать выборных духовных лиц, следить за их работой, принимать у них испытания и выдавать аттестат. Учреждением в 1788–1789 гг. в г. Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания, в 1831 г. в г. Симферополе – Таврического и в 1872 г. в г. Тифлисе – Закавказских (шиитского и суннитского) духовных управлений мусульман порядок назначений мусульманского духовенства на большей части России был в определенной степени регламентирован на основе светского законодательства, учитывавшего некоторые важные шариатские нормы, а также местные обычаи и традиции [8, с. 51, 165]. Особенность конфессиональной политики царизма на Северном Кавказе, в частности в Дагестане, заключалась в том, что российское государство не оформило здесь институты управления мусульманами в форме духовных управлений. «Официальное» духовенство суннитов Дагестанской области формально подчинялось Оренбургскому магометанскому духовному собранию, а шииты Южного Дагестана – Закавказскому духовному управлению. Понимая, что никакие контакты духовенства на таком расстоянии нереальны, областные власти рекомендовали местному духовенству обращаться со спорными вопросами в дагестанский «народный» суд.

Вопрос учреждения Духовного управления мусульман Северного Кавказа и Дагестана на рубеже XIX–XX вв. часто поднимался самим мусульманским духовенством перед мечетскими общинами, обсуждался светской интеллигенцией, а депутаты-мусульмане IV Государственной Думы в 1913 г. представили в Госдуму проект. Лишь Февральская революция 1917 г., свергнувшая самодержавие в России, способствовала учреждению Духовного управления мусульман Северного Кавказа. Состоявшийся в начале мая 1917 г. в столице Терской области городе Владикавказе I съезд горцев Северного Кавказа и Дагестана учредил Кавказское духовное управление мусульман с резиденцией во Владикавказе, состоявшее из 9 лиц во главе с муфтием Нажмутдином Гоцинским из Аварского округа Дагестанской области [18, с. 20].

В годы гражданской войны оно показало полную свою несостоятельность, даже название его менялось несколько раз. Муфтият вскоре переехал в Темир-Хан-Шуру, столицу Дагестанской области, а в 1919 году попал под влияние деникинцев. После утверждения Советской власти в начале 20-х гг. Духовное управление под разными названиями возглавлял шейх-уль-ислам А.-х. Акушинский. Вскоре оно было распущено, и вопрос учреждения Духовного правления мусульман Северного Кавказа и Дагестана не возникал до середины 40-х гг. [16, с. 5].

Таким образом, в период утверждения и укрепления царской колониальной власти в Дагестане было создано «официальное» мусульманское духовенство. Чиновники в исламе, как и в Русской православной церкви, были подчинены светским властям. Тот, кто занимал наиболее ответственные должности, получал жалованье. В каждом населённом пункте был хотя бы один кадий или мулла, утверждённый властями и подконтрольный им. По российским законам последователь суфизма (для царской администрации – «мюридизма») не мог быть утверждён в должности кадия или муллы. Выбранный мусульманской общиной кадий или мулла давал подписку на лояльность властям и нес перед ними определённые обязательства.

Литература и источники

1. *Абдулгамидов Н.* Восстание в Южном Дагестане в 1877 году. – М., 2001.
2. *Авксентьев А.* Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь, 1984.
3. *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.: Вост. лит., 2002.
4. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. – М., 1961.
5. *Гасанов М.М.* Дагестан в составе России (вторая половина XIX века). – Махачкала, 1999.
6. *Губаханова Р.А.* Государственные учреждения в Дагестане в пореформенный период // Государство и государственные учреждения. – Махачкала, 1993.
7. Дагестанские областные ведомости. – 1909. – 15 марта.
8. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2001.
9. Исторический ход вопроса о мусульманских законах на Кавказе. – Тифлис. 1883.
10. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестан с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России // Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. – Махачкала, 2009.
11. *Климович Л.* Ислам в царской России. – М., 1936.
12. *Козубский Е.И.* Материалы для истории управления Дагестанской областью [Библиогр.] // Дагестанский сборник. – Темир-Хан-Шура, 1902. – 1904.
13. *Магомедова С.А.* М.М. Далгат – видный общественно-политический деятель Терской области (1849–1922) // Вопросы истории. – 2010. – № 9.
14. *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М., 2001.
15. *Полонская Л.Р.* Восток. XX век. Взгляд из России // Ислам в СНГ. – М., 1998.
16. *Сулаев И.Х.* Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991 гг.). – Махачкала, 2009.
17. *Тахо-Годи А.* К 50-летию восстания Чечни и Дагестана (1877 г.) // Новый Восток. – 1926. – № 12.
18. *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. – Махачкала, 1927.
19. *Хашаев Х.-М.О.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. – М., 1961.
20. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 2. Оп. 2. Д. 236.
21. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 22.
22. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 12. Д. 60.
23. ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24.
24. ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42.
25. ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47.
26. ЦГА РД. Ф. 15. Оп. 2. Д. 147.
27. ЦГА РД. Ф. 15. Оп. 4. Д. 110.
28. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 27.
29. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 14.
30. *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. – Тифлис, 1907.

Поступила в редакцию 8 декабря 2013 г.